

О.Ю. Шум

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЭГО-ТЕКСТЕ (ПОВЕСТЬ Р. СЕНЧИНА «ЧЕГО ВЫ ХОТИТЕ?»)

Аннотация. На материале повести современного российского писателя Романа Сенчина исследована специфика проявления рефлексивного типа авторской субъективности, в частности имплицитный способ выражения данного типа в автоповествовании с зыбкими границами между реальным и вымышленным. Установлено, что использованный в повести прием «овнешнения» в сочетании с фактуальным сюжетом позволяет рассматривать ее как эго-текст, отраживший процесс осознания писателем политических событий. Художественный эго-текст в виде «мысленного» дневника позволяет автору-субъекту имплицировать свою рефлексию, организовав пространство для дискуссии персонажа «Романа Сенчина» (своего альтер эго) и его дочери Даши, являющейся в произведении повествователем.

Ключевые слова: Роман Сенчин, «Чего вы хотите?», нон-фикшен, автофикция, авторская субъективность, имплицитность, эго-текст, самоинтерпретация.

Современный литературный процесс характеризуется увеличением количества произведений документальной направленности. «Нон-фикшен» подоплека в художественных текстах представляет собой факты биографии автора, претерпевшие образную гиперболизацию. В результате такой гиперболизации в произведении возникает некий сплав вымышленного и невымышленного начал. Своеобразие указанного синтеза заставило П. Басинского в 2015 г. поднять вопрос о пришедшем в современную российскую литературу новом «жанре». Литературовед заострил внимание на том, что «нон-фикшен» не равно «документ» или «документальная литература», это именно художественная литература, представляющая собой «парадоксальный» жанр: «художественная проза без вымысла» [1].

В зарубежном литературоведении указанный феномен привлек внимание исследователей ранее: уже в 1970-е гг. для синтеза автодокументального и художественного начал был предложен термин «автофикция» [2. С. 36]. Несмотря на то, что термин по сей день не явля-

ется устоявшимся, а его толкования вызывают споры, мы считаем его наиболее точным определением для литературы, в которой невымышленное начало настолько мимикрирует под вымышленное, что, не зная биографии автора, читатель может и не заподозрить присутствия документального и / или автобиографического начала в произведении.

Не вдаваясь во все дефиниционные тонкости (например, дискуссии ведутся о том, является автофикция самостоятельным жанром или это некий наджанровый модус [3. С. 36–37]), отметим, что в самом общем понимании автофикция есть некая гибридная литературная форма, представляющая автоповествование с зыбкими границами между реальным (референтным, фактуальным) и вымышленным (фикциональным), причем в результате взаимовлияния одно способно трансформироваться в другое.

Чтобы разграничить «фактуальное» и «фикциональное» в произведениях-автофикциях, необходим специальный анализ. Именно такое исследование предпринято в нашей работе, цель которой заключается в дополнении и уточнении содержания понятия «авторская субъективность», прямо связанного с феноменом художественного нон-фикшен. Подобный анализ, по нашему мнению, представляет перспективное направление исследования художественного текста, поскольку с его помощью можно как минимум по-новому взглянуть на уже устоявшие понятия.

Авторская (художническая) субъективность представляет субъектное начало идейного комплекса художественного произведения. По определению В.Е. Хализева, речь идет о «о выраженном в произведении комплексе мыслей и чувств, принадлежащих его создателю» [4. С. 56]. По степени рациональности исследователь разграничивает два типа художнической субъективности – рефлексивный (сознательные, направленные утверждения) и нерефлексивный (верования, аксиомы, проявляющиеся в произведении, минуя сознание автора).

В статье мы обратились к исследованию рефлексивного типа авторской субъективности: являясь результатом рационального освоения реальности, этот тип авторской субъективности именно по причине своей рациональности может быть выражен в художественном произведении не только более или менее отчетливо (эксплицитно), но и скрытно, подтекстово (имплицитно).

Эксплицитно выраженная в произведении авторская субъективность присуща, как правило, тенденциозным художественным текстам. В таких произведениях она становится одним из организующих начал, и ее легко обнаружить, поскольку открыто выраженные мысли и чувства автора «выпадают» из общего образного ряда произведения. Отличия наиболее заметны стилистически: автор начинает высказываться слишком прямо, в силу чего художественный текст приобретает публицистические черты.

ИмPLICITный способ выражения авторской субъективности более тонок, он значительно гармоничнее вписывается в художественную ткань произведения, обогащая его подтекстами и скрытыми смыслами. Мы решили исследовать именно этот способ, тем более что в современном литературном процессе есть произведение, автор которого, по нашему мнению, очень грамотно использовал имPLICITность в контексте актуальной политической проблематики, представляющей ключевое содержание текста.

Речь идет о небольшой повести современного российского писателя Романа Сенчина «Чего вы хотите?», впервые опубликованной в 2013 г. журналом «Дружба народов». Позже указанное произведение выходило в составе своеобразного триптиха: «Зима», «Чего вы хотите?», «Полоса», представлявшего основной текст одноименного с повестью сборника (Эксмо, 2013).

Роман Сенчин начал публиковаться в середине 1990-х гг., тогда же поступил в Литературный институт, по окончании которого прочно вошел в обойму наиболее интересных современных писателей. Его имя было связано с заявившем о себе в 2000-е гг. литературным направлением «новый реализм», однако Сенчин – самодостаточный автор со своим оригинальным художественным почерком, своей тематикой и проблематикой. Наиболее известным широкой публике произведением писателя является роман «Елтышевы» (2009), мрачная и жесткая история о деградации постсоветского человека. Но, хотя этот роман входил в шорт-листы ряда литературных премий, одну из побед писателю принес не он, а повесть «Чего вы хотите?»: в 2014 г. Сенчин стал лауреатом литературной премии «Ясная Поляна» и победил в номинации «Детство. Отрочество. Юность». Хотя произведение соответствует номинации, призванной отмечать книги, важные для поры взросления, идейный смысл «Чего вы хотите?», на наш взгляд,

шире. Возможно, повесть более значима как раз для взрослых людей, ровесников автора.

Творчество Сенчина неоднократно привлекало внимание исследователей. Предметом научного и критического анализа становились как отдельные произведения писателя, так и общая идейно-художественная специфика его прозы, рассмотренная сама по себе и в контексте феномена «новый реализм». Здесь можно вспомнить статьи А. Ганиевой [5] и С. Белякова [6], имеющие программный характер; работы, посвященные романам «Елтышевы» [7], «Зона затопления» (2015) [8], «Дождь в Париже» (2018) [9]; диссертационные исследования Е.М. Ротай [10] и А.А. Серовой [11]. Повесть «Чего вы хотите?» в связи с возрастом главной героини рассматривалась М.А. Черняк при исследовании основных стратегий развития современной прозы для подростков [12].

Не была обойдена вниманием и нон-фикшен составляющая творчества Сенчина, что закономерно: автоповествование, в котором тесно слиты реальное и вымышленное, т.е. автофикция, – это очень характерный для писателя способ изложения. Во многих произведениях он рассказчик и главное действующее лицо. Повествование ведется иногда от первого лица («Минус», 2001; «Нубук», 2002; «Вперед и вверх на севших батарейках», 2004 и др.), иногда от третьего с другим именем, но с событиями из реальной жизни автора (в этом плане показателен, например, сборник рассказов «Московские тени», 2009, в котором перемежаются оба вида рассказчиков).

Оценивая героя автобиографических произведений Сенчина, исследователи отмечали его безусловную близость автору и вслед за писателем характеризовали его довольно нелицеприятно: «чмо, скучный пацан, тормоз, пьяница, прелюбодей, трус, Смердяков. Он прячется от жизни, любит песни „с признаком дебилизма“, „все время врет и приbedняется“, „опять ноет“» [13. С. 96]; «эгоист, для которого семейная жизнь – клетка» [14. С. 137]; в его характере отчетливо выделяются «безволие, отсутствие стремления принимать решения, активно менять свою жизнь и окружающую действительность» [15. С. 1178]. Это не столько неудачник по внешним признакам: у него есть семья и работа, он является столичным жителем, сколько обреченный на внутреннее умирание при жизни, опустошенный, не реализующий свой потенциал человек, превратившийся в автоматически существующего обывателя.

Вялость, скука, «фотографирование» себя свойственны не только автогерою Сенчина. Так, в статье А.В. Татарина он рассмотрен в компании с автобиографическими героями С. Шаргунова и А. Аствацатурова. По мнению исследователя, в произведениях этих писателей создан образ «социально-бытового» человека, которого «мало интересуется мир как смысл», реальность для него «равна повседневности, воспоминаниям и личным неурядицам» [13. С. 97].

Продолжая наблюдения Татарина, заметим, что среди авторов «документалистов» Сенчин, на наш взгляд, выделяется наибольшей склонностью к бытописательству, его тексты насыщены обыденными деталями-подробностями, а скрупулезная манера письма отличается от более импрессионистского «почерка» Аствацатурова и Шаргунова.

Но, поскольку в отличие от своего автогероя писатель Сенчин – личность реализовавшаяся, практически во всех работах, посвященных автобиографической составляющей его прозы, звучит мысль о том, что сходство автора и его героя безусловно, но поверхностно. Разделяя данную точку зрения, мы посчитали необходимым более подробно всмотреться в имеющееся различие, которым, думается, обусловлено стремление Сенчина не ограничиваться все же констатацией факта безысходности существования «сорокета» (сорокалетнего «героя времени»), а попытаться найти если не выход, то хотя бы идею иного варианта судьбы.

В этой связи повесть «Чего вы хотите?», по нашему мнению, является примером имплицитного самоанализа, ее заголовок имеет концептуальное значение, поскольку этот вопрос обращен автором и к героям, и к читателям, и – что, на наш взгляд, особенно существенно – к самому себе. Отсюда и ключевая особенность произведения, состоящая в выборе повествователя: рассказ в повести ведется от первого лица, но рассказчиком является пятнадцатилетняя дочь писателя Даша, прототипом которой автор никак не может быть. Сам «Роман Сенчин» остается одним из главных персонажей и в повествование дочери не вмешивается. Все происходящие события, а также сам автор и его друзья, атмосфера бурлящей политическими страстями зимней Москвы 2011–2012 гг. переданы в восприятии Даши, которая, будучи рассказчиком-наблюдателем, задает вопросы, включая и заглавный, себе, другим героям, а также, разумеется, читателям.

Использованный в автофикции Сенчина прием «овнешнения» писателем себя в сочетании с фактуальным сюжетом позволяет нам рассматривать повесть «Чего вы хотите?» как эго-текст¹. Мы опираемся на трактовку понятия, представленную в работе одного из ведущих исследователей данного направления М.Ю. Михеева: эго-текст – «(1) это текст о себе самом, т.е. имеющий своим объектом обстоятельства жизни самого автора, и (2) – текст, написанный с субъективной авторской точки зрения, т.е. человеком из эгоцентрической позиции, но также, конечно, и оба условия 1 и 2 одновременно...» [16].

Реальный создатель произведения локализует в художественном тексте свой образ, показывая самого себя, и остается при этом субъектом художественной деятельности, имманентным произведению. Михеев относит к эго-тексту дневники, записные книжки, мемуары, письма, автобиографические и исповедальные тексты, маргиналии и некоторые другие обиходные жанры. Жанров художественной литературы среди них нет, однако, по сути, автобиография, особенно беллетризованная, или исповедь недалеко отстоят от автофикции, не говоря уже о дневнике, форму которого многие писатели намеренно придавали изначально вымышленным произведениям. Возможно, самое очевидное различие между документальными и художественными жанрами заключается в том, что в первом случае читатель как бы заранее предупрежден, что повествование будет вестись о невымышленных событиях, а во втором такого «жанрового» предупреждения нет. Но при этом никто не может знать точного процента достоверности автобиографии, исповеди или дневника. Может быть соблюдена основная канва жизненных событий, но дофантазированы детали, выдуманы отдельные эпизоды. В автофикции, напротив, изначально дана установка на художественную гиперболизацию, но под завесой вымышленности автор вполне может разбираться в проблемах своей реальной жизни. По нашему мнению, такова роль фикционального начала в рассматриваемой повести Сенчина: оно становится своего рода защитным экраном для «Я» писателя и одновременно средством художественной типизации.

¹ Заметим, что популярность разнообразных форм Я-высказывания в современной культурной ситуации настолько велика, что позволила сформировать специальный тематический выпуск журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», посвященный дневниковой прозе (2019. № 20).

По жанровой форме эго-текст повести «Чего вы хотите?» представляет нечто среднее между своеобразным отрывком из семейной хроники и дневником. С одной стороны, перед нами рассказ о жизни семьи на фоне общественных событий, которые отражаются в жизни членов семьи и *на* ней. С другой стороны, на первый план в повествовании выведены все же не семейные отношения, а процессы, происходящие во внутреннем мире подростка Даши. Помимо этого, формату дневника соответствует содержание, ориентированное на реальные события, свидетелями которых являются герои повести, а также «пульсирующий», разделенный временными промежутками на фрагменты текст. Временные рамки повествования установлены точно: 18 декабря 2011 г. – 26 февраля 2012 г., каждая часть небольшой повести – это определенный день, всего их указано шесть (по числу глав). Временной промежуток, отделяющий события от их описания в произведении, также невелик: судя по тому, что первая публикация повести Сенчина в журнале «Дружба народов» состоялась в марте 2013 г., написана она по горячим следам.

Вместе с тем, сделав центром повествования будни рядовой московской семьи, а рассказчицей девочку-подростка, Сенчин пишет не о быте и не об отроческой психологии, а о политике. В повести идет напряженный процесс осознания социально-политических событий, которые выдвинуты на первый план практически во всех сценах. Тематика «Чего вы хотите?» социально-политическая. Даже в разговорах Дашиных одноклассников Сенчин находит моменты, так или иначе связанные с политикой. В этом плане интересна история с шарфиком Дашиного одноклассника Никиты Михайлова. Даша с подругой принимают шарф, в котором Никита пришел в школу, за опознавательный знак Гриффиндора – одного из факультетов школы волшебства Хогвартс из знаменитой серии романов о Гарри Поттере английской писательницы Дж.К. Роулинг. Однако оказывается, что на шарфе помещены не желтые и красные квадратики, как это описано у Роулинг, а желтые и красные полосы с изображением розы: «– Это эмблема молодых социалистов!» – поясняет Михайлов [17]. Оказывается, шарф выражает симпатию (или принадлежность) Дашиного одноклассника Всероссийской общественной организации «Молодые социалисты России», созданной в 2009 г. как молодежное звено партии «Справедливая Россия». Подобная трансформация шарфика видится

нам в контексте повести Сенчина символической: бытовое, житейское в произведении только прикрывает то главное, что волнует автора, – политическое прошлое, настоящее и будущее страны, а также личностное понимание, личностное отношение к нему.

Одной из задач Сенчина, по нашему мнению, стало стремление «оживить» историю, не «казенно» изобразить социально-политические события, которые неизбежно станут историей. Причем писателю важно представить их так для молодежи, недаром на роль повествователя была «назначена» девочка-подросток. В таком ракурсе одна из начальных сцен повести видится нам эпитафией: Даша читает учебник истории в метро по дороге в музыкальную школу, но за бесцветными, шаблонными фразами девочка не видит ни людей, ни событий лета 1914 г., важнейшего периода в истории страны. «Даша устала в учебник, упорно стала вбивать в голову скучное и ненужное <...> Нет, не вбивается. Даже затосило от всего этого. Непредставимого, сложного. Власть использовала какие-то монополии, монополии влияли на правительства... Закрывает учебник, сунула в футляр» [17]. Вопреки бесконечно далекому от жизни современных подростков учебнику Сенчин в своей повести показывает события новейшей истории как будничную составляющую жизни обычной московской семьи, затрагивающую всех ее членов, включая Дашу и даже ее маленькую сестру.

Вторая ключевая задача, которую стремится решить в своем произведении Сенчин и которая нам представляется особенно значимой в контексте нашего исследования, – это самоинтерпретация. Выбрав для повествования форму эго-текста с максимальным внешним отстранением от самого себя как героя и как автора, писатель маскирует политическую проблематику не только по тривиальной причине – идеология непопулярна у массового читателя, но и по более специфическим глубинным мотивам. Текст позволяет предположить, что автор-субъект не столь убежден в тех политических сентенциях, которые уверенно декларирует в повести его альтер эго. Оказавшись перед необходимостью осмыслить свою политическую позицию, Сенчин интерпретирует ее причинно-следственные связи, поскольку эго-текст дает ему возможность не только рассказывать о себе самом, но и трактовать собственную личность, исследовать ее.

Мы обратили внимание на одну из обмолвок автобиографического «Романа Сенчина», который, рассуждая о протестных акциях в Москве,

вспоминает роман М. Горького: «Если созрею когда-нибудь писать своего “Клима Самгина”, обязательно вставлю кусок про десятое декабря» [17]. Обмолвка не показалась нам совсем случайной, поскольку способ выражения авторской субъективности в знаменитой горьковской эпопее «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936) мы считаем типологически сходным с тем, который избрал в своей повести Сенчин. Писатель осмысливает политические события и представления интеллигенции о них в виде литературно оформленного жизнеописания. Такой подход мы и считаем родственным горьковскому: есть хроника событий, есть герой, которому отдана функция повествователя, и есть реальный автор, подающий себя в виде одного из образов-персонажей собственного произведения. На встрече с Романом Сенчиным, организованной в Симферополе клубом «Формат А3» 15 декабря 2016 г., нам представилась возможность непосредственно задать вопрос о том, насколько не случайна эта отсылка. Прочитируем ответ Сенчина: «...О “Жизни Клима Самгина”... Это уникальное произведение, которое мне лично читать мучительно тяжело, потому что всť через одного человека он (Горький. – *О.Ш.*) представляет. <...> Но это его подвиг, я думаю, когда он через жизнь одного человека попытался показать огромную-огромную эпоху, и почти каждый шаг этого Клима Самгина он преобразовывал в литературу. Это подвиг, хотя рискованное это его, конечно, произведение. В чем-то я или по крайней мере мой герой, может быть, тоже хочет что-то такое написать» [18]. Думается, ситуация интервьюирования в виде вопросов из зала, предполагающая спонтанные ответы без предварительной подготовки и обдумывания, помешала писателю оговорить тот факт, что в повести «Чего вы хотите?» уже использован именно такой прием, который описан в ответе на вопрос. Для нас представляется значимым, что Сенчин понимает рецептивную трудность изображения жизни целой эпохи через восприятие одного человека, но при этом сознает правомерность и эффективность его использования в художественных текстах эпохального масштаба.

В отличие от «Горького» в романе «Жизнь Клима Самгина», «Сенчин» (мы используем кавычки для того, чтобы подчеркнуть, что речь идет о персонажах, не об авторах) в своей повести занимает большой смысловой и текстовый объем, аттестуя происходящие события в процессе постоянных «кухонных» разговоров с другими персо-

нажами, и сам в это время подвергается критическому разбору и оцениванию своей дочерью, пребывающей в мировоззренческом поиске.

«Роман Сенчин» вместе с другими персонажами, например со своей деятельной, не сомневающейся ни в чем женой, с другом «дядей Сережей» (еще один реальный человек, изображенный в повести под своим именем, – Сергей Шаргунов), участвует и в бесконечных разговорах-спорах, и в митингах. Однако участие Дашиного отца в политической суете ощутимо инерционно. Во-первых, он считает, что реальная возможность изменить что-то упущена, после того как десятого декабря митингующие ушли с площади Революции на Болотную. Во-вторых, «Роман Сенчин» больше не разделяет надежд на, так сказать, «героев информационного повода», из которых, по мнению его жены, «рождаются вожди». «Папа поднял глаза, глянул на маму как-то жутко тоскливо. – За последние двадцать... двадцать пять лет столько было вождей. Причем настоящих. И где они? Кто их помнит?» [17]. Но, сомневаясь в продуктивности протестов, Дашин отец тем не менее продолжает участвовать в политической суете своего окружения, повторяет шаблонную риторику о коррупции, засилье гастарбайтеров и иностранцев, которые уничтожают Россию совокупно с произволом самих российских властей.

Параллельно с политической возней взрослых и рассуждениями «Романа Сенчина» процесс мировоззренческого поиска ведет девочка-подросток. Даша устала от состояния тревоги, в которой живут все окружающие: «Одни уверены, что, если Путин снова станет президентом, все тут же рухнет, Россия погибнет. Другие же считают: никто, кроме Путина, не убережет Россию от гибели». С откровенностью ребенка из сказки про голого короля девочка отмечает: «Но вот так, живя в Москве, и не скажешь, что что-то может случиться. То есть, что Россия на краю гибели. Люди одеваются все ярче, машины все дороже, город все чище, даже бомжей, нищих как-то стало меньше в последнее время. Эти гастарбайтеры, правда... С другой стороны, гастарбайтеры поэтому и едут сюда, что здесь лучше, чем в других местах». Ее семья тоже стала жить лучше: «Даша помнит: несколько лет назад случалось, что и на еду денег не хватало, а теперь есть заначка на черный день» [Там же]. Улучшение материального положения москвичи словно не замечают. Дашина мама периодически утверждает, что нужно уезжать. «“Куда?” – стонуще спрашивает

папа. “В Европу!” – “А там лучше? Я был в Берлине, в Кельне, во Франкфурте, в Париже. Жить я там не хочу. Это уже не Европа”. – “Но что же делать?! Нам нужно детей спасать!” Иногда эти разговоры заканчиваются у них ссорами...» [17]. Москвичи думают об отъезде в Европу, а в провинции мечтают о Москве и Санкт-Петербурге. В повести присутствует персонаж – Дашина знакомая Алина из города Сапожка, которая с тоскливой завистью пишет в электронном письме: «Классные фотки ты выложила. Москва красивая, и ты тоже. А мне и фотать нечего. Эти развалины и дебилов – не хочу больше. <...>. Противно. Настроение вообще никакое. Почему одни рождаются в Москве и Петербурге, а другие вот так? Мама говорит, что надо хорошо учиться и тогда поступишь, куда хочешь и будешь там жить. Только откуда взять деньги, чтобы учиться?» [Там же].

Столичные жители тоскуют о Европе, провинциальные о столице, и все говорят о гибели и уничтожении России: «Везде недовольство, стена недовольства, убивающая желание хоть чем-то заниматься, что-то совершать». Хотя папа «Роман Сенчин» Дашу выслушивает и даже иногда смягчает некоторые свои оценки, он до конца повествования остается верен своей основной политической позиции, а девочка продолжает пребывать в сомнениях, состоянии внутреннего хаоса и тревоге. Из-за этого, «чтобы поставить точку», она отправляется со взрослыми и младшей сестрой на очередное шествие, где, сорвавшись наконец, выкрикнет всем митингующим, как наболевшее, главный вопрос произведения – «чего вы хотите?».

Специфика авторского субъективизма в данном произведении, по нашему мнению, состоит в том, что персонаж Даша является частью эго-текста. «Раздвоившись», писатель максимально отстраняется от собственной личности, получив пространство для интерпретации себя, а точнее, своей идейно-политической состоятельности или несостоятельности. Личность отца-писателя и фактического автора повести, таким образом, является одновременно объектом осмысления и его субъектом.

Разумеется, правомерен вопрос о том, не является ли линия Даши документально автономной? Безусловно, в некоторой степени является. В интервью 2018 г., отвечая на вопрос, можно ли считать произведение отчасти биографическим, писатель сказал об этом так: «Отчасти да. Но вообще-то есть такой прием – ложная автобиография, он

используется, когда автору нужно показать, что описываемые события достоверны, что все так и было. И я, и многие другие авторы часто дают герою свое имя. <...> Конечно, я мог бы заменить дочь на сына, а писателя – на театрального режиссера, например, или художника, но это была бы не совсем правда. Я же попытался максимально правдиво представить свою семью в этой атмосфере. Мы с моей бывшей женой действительно жили тогда в таком взвинченном состоянии, и то, как реагировала на это наша старшая дочь, стало толчком к написанию повести» [19]. Обратим внимание на использованное писателем в ответе слово «прием», т.е. Сенчин сознательно применил в тексте такой способ изображения, который он сам называет «ложной автобиографией». Полагаем, иначе этот способ можно охарактеризовать как автобиографию, подвергнутую гиперболизации, художественной обработке с целью усиления воздействующего эффекта, или автофикцию.

Следовательно, в повести присутствуют в некоторой степени и реальные переживания Даши. Однако, кроме переживаемых ею сомнений, тревоги и душевного хаоса, автор наделяет девочку еще и критическим взглядом, которым она смотрит на взрослых, и в первую очередь на «Романа Сенчина». Она подмечает и его усталость, и равнодушие, инерцию слов и поступков, привычную позу «настоящего папы», который «имеет право поучать, объяснять». Смутить отца до степени «школьника, которого поймали на чем-то плохом», Даше удалось один раз, когда она спросила про его книги: «А почему ты пишешь такое? – Что я такое пишу? – Ну, что Россия пьяной валяется... ничего не может... иностранцы только... Папа поежился: – Где это у меня?» [17]. «Роман Сенчин»-персонаж как-то оправдался для себя, не для Даши, потому что ее он «не то чтобы убедил... а утомил» своими разглагольствованиями, но вот «поймал»-то его этим вопросом Роман Сенчин – автор, используя персонаж Дашу в качестве создателя эго-текста.

Таким образом, автофикция в виде эго-текста позволяет Сенчину имплицировать свою рефлекссию, организовав пространство для дискуссии не сомневающегося «Романа Сенчина» и сомневающейся Даши. Заметим, что эго-текст повести лишен весьма значимого «дневникового» начала: как мы уже отмечали, жизнеописание в повести разбито на временные отрезки, но кем? Кто промаркировал конкретные дни: реальный автор повести Роман Сенчин или, по его замыслу, рассказ-

чица Даша? Отсутствие определенного ответа на данный вопрос позволяет нам предположить, что виртуальный, «мысленный», дневник является пространством сознания, в котором объединяются автор-субъект и рассказчица. «Выводя на свет» этот «мысленный» дневник, писатель переадресовывает его широкому кругу читателей и этим переводит повествование из области «литературы без вымысла» в сферу художественности. Причем художественности именно писателя Сенчина, чья творческая манера в нашем представлении соответствует данному М.Ю. Михеевым описанию одной из традиционных функций дневника: «Обычно побуждает человека к занятию дневником, заставляет делать записи – некий специфический педантизм: не всякий имеет к этому склонность, для таких занятий должен быть некий рациональный (или, при другой точке зрения, просто занудный) склад ума, склонность к интроспекции и самонаблюдению» [16].

Нам показалось уместным привести эту цитату, поскольку педантизм, рациональность, склонность к самонаблюдению видятся нам свойствами индивидуальной творческой манеры Романа Сенчина, выразившимися и в других, в первую очередь автобиографических, его произведениях. Так, используя своего автогероя, писатель планомерно проходит заново все этапы своего жизненного пути: в рассказах и повести «Минус» описано его пребывание в провинции после возвращения из армии, в «Нубуке» – приезд в Петербург, в повестях «Вперед и вверх на севших батарейках» и «Чего вы хотите?», в сборнике «Московские тени» – переезд в Москву и обустройство в ней. В каждом автоповествовании Сенчин внимательно, с минимальной гиперболизацией и практически без эмоций изображает «Романа Сенчина», всматриваясь в него и оценивая. Но только в повести «Чего вы хотите?» писателю удалось, с нашей точки зрения, достичь максимального отстранения от своего «я», в первую очередь благодаря нестандартному выбору субъекта повествования в эго-тексте.

Литература

1. Басинский П. Сочинять без вымысла // Российская газета. 2015. № 151 (6722). URL: <https://rg.ru/2015/07/13/basinskii.html> (дата обращения: 12.12.2019).

2. Болдырева Е.М. Дифференциация фактуальных и фикциональных жанров автобиографической литературы конца XX – начала XXI в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 34–44.

3. Боруруева Н.В. Автофикция в «литературе по-граничья»: автобиографические мотивы в романах Малики Мокеддем // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 35–42.

4. Хализев В.Е. Теория литературы. М. : Высшая школа, 2002. 437 с.

5. Ганиева А. Серым по серому : Роман Сенчин // Вопросы литературы : журнал критики и литературоведения. 2010. № 3. С. 230–240.

6. Беляков С. Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках // Урал. 2011. № 10. С. 215–221.

7. Богданова О.А. Прошлое и будущее России в романе Р.В. Сенчина «Елтышевы» // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте» : избранные доклады и тезисы. М. : Фонд Достоевского, 2014. С. 32–37.

8. Иванова Е.А. Экологические проблемы в романе Р. Сенчина «Зона затопления» // Изучение и преподавание русской словесности в эпоху языковой глобализации : материалы докладов и сообщений XXIII международной научно-методической конференции. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 407–410.

9. Ничипоров И.Б. Из Кызыла в Париж: геопозитика современного психологического романа («Дождь в Париже» Р. Сенчина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24, № 4. С. 616–624.

10. Ротай Е.М. «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 178 с.

11. Серова А.А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2015. 290 с.

12. Черняк М. Эффект узнавания реальности в современной прозе для переходного возраста // Детские чтения. 2013. № 2 (004). С. 136–151.

13. Татаринов А.В. Автобиографический дискурс в современной русской прозе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 1. С. 94–97.

14. Селемнева М.В. «Московский текст» в творчестве Р. Сенчина // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст : материалы XX междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб. : Ленинград. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2015. С. 131–139.

15. Ротай Е.М. Константы художественного мира в повестях Р. Сенчина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 77. С. 1167–1178.

16. Михеев М.Ю. Дневник в России XIX–XX веков – это текст, или предтекст. М., 2006. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/mihev/kniga.htm> (дата обращения: 12.12.2019).

17. Сенчин Р. Чего вы хотите? // ЖЗ : Дружба Народов. 2013. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2013/3/chego-vy-hotite.html> (дата обращения: 12.12.2019).

18. Вопросы Роману Сенчину : [встреча с писателем 15.12.2016, г. Симферополь] / ред. О. Шум. Симферополь, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

19. Роман Сенчин: «Революционная ситуация не бывает частой» : [интервью] / Н. Сикорская // Наша газета. 2018. 16 мая. URL: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/roman-senchin-revolucionnaya-situaciya-ne-byvaet-chastoy> (дата обращения: 12.12.2019).

Expressive Features of Author Subjectivity in the Literary Ego-Text (Roman Senchin's *What Do You Want?*)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 23–39

DOI: 10.17223/23062061/26/2

Olga Yu. Shum, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: shum_olga@list.ru

Keywords: Roman Senchin, *What Do You Want?*, non-fiction, autofiction, author subjectivity, implicitness, ego-text, self-interpretation.

The modern literary process indicates the presence of a large number of fiction with documentary subcurrent: facts from the author's biography are a very slight hyperbolization. An example of such work would be the novel *What Do You Want?* (2013) by a contemporary Russian writer Roman Senchin, which became the subject of consideration in this article. The synthesis of auto-documentary and literary principles in the story organizes self-narration with unsteady boundaries between the real ("factual") and the fictional ("fictitious"). The specificity of the correlation of the factual and the fictitious is examined in this work using the method of literary criticism and contextual analysis. The immediate aim of the article is to identify the specificity of expressing the implicit method of author subjectivity in non-fiction. In the author's opinion, the implicit way of expressing the reflective type of author subjectivity fits more harmoniously into the literary fabric of the work, enriching it with subtexts and hidden meanings. In the course of the study it has been determined that although the center of the story revolves around the everyday life of an ordinary Moscow family, Senchin's work is not a slice-of-life novel, but a political commentary. The theme of *What Do You Want?* is sociopolitical, the problematics are sociocultural. The narration of the novel undergoes an intense analyzing and coming to terms with the sociopolitical events that are highlighted in almost all of the scenes. The text implies that the writer comprehends his own political position and interprets its cause-effect relationships. In order to distance himself as much as possible from his own identity, Senchin uses the technique of "externalizing" and "assigns" the role of the narrator to a teenage girl Dasha, the prototype of which he himself cannot be. Dasha, being a narrator-observer, asks questions, including the one from the title, to herself and other characters, including the father "Roman Senchin". The time frame for the narration is precisely established: 18 December 2011 – 26 February 2012; each part of the text is a certain day, there are six in total. However, it is not clear who marked the specific days – the real author of the story or, as he conceived, the narrator Dasha. The autofiction method of "externalizing" in combination

with the factual plot allows considering *What Do You Want?* as an ego-text, which in its genre form is something between an excerpt from a family chronicle and a diary. Auto-fiction in the form of an ego-text allows the writer to implicate his reflection, organizing a space for discussion of the unquestioning “Roman Senchin” (his alter ego) and the doubting Dasha within a kind of a “mental diary” – a space of consciousness in which the author-subject and the narrator are united. “Bringing to light” this “mental” diary, the writer redirects it to a wide range of readers and thus shifts the story from the field of “literature without fiction” to the sphere of art.

References

1. Basinskiy, P. (2015) Sochinyat' bez vymysla [Compose without fiction]. *Rossiyskaya gazeta*. 151(6722). [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/07/13/basinskii.html> (Accessed: 12th December 2019).
2. Boldyreva, E.M. (2018) Differentiation of Factual and Fictional Genres of Autobiographical Literature of the end of the 20th – the beginning of the 21st century. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhski Philological Bulletin*. 4(15). pp. 34–44. (In Russian).
3. Borurueva, N.V. (2014) Autofiction in the “borderland literature”: autobiographical motifs in novels by Malika Mokeddem. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki – Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 4. pp. 35–42. (In Russian).
4. Khalizev, V.E. (2002) *Teoriya literatury* [Literature Theory]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Ganieva, A. (2010) Serym po seromu: Roman Senchin [Gray in gray: Roman Senchin]. *Voprosy literatury: zhurnal kritiki i literaturovedeniya*. 3. pp. 230–240.
6. Belyakov, S. (2011) Roman Senchin: neokonchennyy portret v sumerkakh [Roman Senchin: an unfinished portrait at dusk]. *Ural*. 10. pp. 215–221.
7. Bogdanova, O.A. (2014) Proshloe i budushchee Rossii v romane R.V. Senchina “Eltyshevy” [The past and future of Russia in the novel by R.V. Senchin “The Eltyshevs”]. In: Volgin, I.L. (ed.) *Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste* [Russian Literature in the World Cultural Context]. Moscow: The Dostoevsky Foundation. pp. 32–37.
8. Ivanova, E.A. (2018) Ekologicheskie problemy v romane R. Senchina “Zona zatopleniya” [Environmental problems in R. Senchin’s “The Flood Zone”]. *Izuchenie i prepodavanie russkoy slovesnosti v epokhu yazykovoy globalizatsii* [Studying and teaching Russian literature under linguistic globalization]. Proc. of the 23rd International Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. pp. 407–410.
9. Nichiporov, I.B. (2019) From Kyzyl to Paris: the geopoetics of the modern psychological novel (“Rain in Paris” by R. Senchin). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Literaturovedenie. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 24(4). pp. 616–624. (In Russian).

10. Rotay, E.M. (2013) "Novyy realism" v sovremennoy russkoy proze: khudozhestvennoe mirovozzrenie R. Senchina, Z. Prilepina, S. Shargunova ["New realism" in modern Russian prose: artistic worldview of R. Senchin, Z. Prilepin, S. Shargunov]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.

11. Serova, A.A. (2015) Novyy realizm kak khudozhestvennoe techenie v russkoy literature XXI veka [New realism as an artistic trend in Russian literature of the 21st century]. Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

12. Chernyak, M. (2013) The Recognizing Effect in the Prose for Transition Age. *Detskie chteniya – Children's Readings: Studies in Children's Literature*. 2(004). pp. 136–151. (In Russian).

13. Tatarinov, A.V. (2012) Autobiographical discourse in modern Russian prose. *Vestnik Maykovskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Bulletin of Maikop State Technological University*. 1. pp. 94–97. (In Russian).

14. Selemeneva, M.V. (2015) "Moskovskiy tekst" v tvorchestve R. Senchina ["Moscow Text" in the works by R. Senchin]. In: Skvortsov, V.N. & Maltseva, T.V. (eds) *Pushkinskie chteniya – 2015. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Readings – 2015. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 131–139.

15. Rotay, E.M. (2012) The constants of artistic world in narratives of R. Senchin. *Polimatemicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. 77. pp. 1167–1178. (In Russian).

16. Mikheev, M.Yu. (2006) *Dnevnik v Rossii XIX–XX vekov – ego tekst, ili predtekst* [A diary in Russia in the 19th – 20th centuries is an ego text, or a pretext]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (Accessed: 12th December 2019).

17. Senchin, R. (2013) Chego vy khotite? [What do you want?]. *Druzhba Narodov*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2013/3/chego-vy-hotite.html> (Accessed: 12th December 2019).

18. Shum, O. (ed.) (2019) *Voprosy Romanu Senchinu: [vstrecha s pisatelem 15.12.2016, g. Simferopol]* [Questions to Roman Senchin: [meeting with the writer on December 15, 2016, Simferopol]]. Simferopol: [s.n.]. [CD-ROM].

19. Senchin, R. (2018) "Revolutsionnaya situatsiya ne byvaet chastoy": [interv'yū] ["A revolutionary situation is never frequent": [interview]]. *Nasha gazeta*. 16th May. [Online] Available from: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/roman-senchin-revolucionnaya-situaciya-ne-byvaet-chastoy> (Accessed: 12th December 2019).